

**ИНВЕРСИЯ АФОРИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале языка романа Андрея Платонова «Чевенгур»)**

Е. Е. Иванов
(Могилев, Беларусь)

Описывается инверсия как одна из разновидностей трансформации структуры unprecedentedного афоризма в тексте. Инверсия определяется как парадигматическая форма структуры афоризма в речи и как прием реконструкции его исходной формы при выделении из контекста.

Индивидуально-авторский афоризм, который употребляется не в виде отдельного речевого произведения (литературного жанра), а как единица речи в контексте, может рассматриваться только как потенциальный текст. Актуализация индивидуально-авторского афоризма как текста возможна лишь вне контекста употребления, в котором содержание и структура афоризма еще находятся в стадии своего формирования (т. е. допускается, что он или еще, или вообще не способен функционировать вне своего индивидуально-авторского контекста в той же форме и/или с тем же содержанием). По этой причине утверждение об обязательно присущим всем без исключения афоризмам признакам текста, которое обычно не подвергается сомнению, следует все же считать ошибочным.

Неверно и то, что индивидуально-авторские афоризмы «вводятся» [5] в контекст своего авторского (первого) употребления. Вводить афоризм в текст можно только как единицу уже функционирующую либо массово, либо индивидуально (т. е. второй и последующий разы). Индивидуально-авторский афоризм из текста его первого (авторского) употребления можно только «выделить» [2].

Индивидуально-авторские афоризмы производятся в речи, вне текста своего первого (авторского) употребления не функционируют, чем весьма существенно отличаются как от языковых афоризмов, которые регулярно воспроизводятся в речи, так и от речевых, которые также производятся в речи, но могут и разово в ней воспроизводиться (вне авторского текста). Тем не менее все афоризмы независимо от их семиотического статуса следует считать изоморфными по структуре и способам употребления, с той лишь разницей, что если функционирование воспроизводимых афоризмов обусловлено наличием целого ряда их парадигматических форм (трансформ), то для производимых в речи афоризмов та их форма, в которой они употреблены, является одной из возможных форм данного афоризма (либо вообще единственно возможной его формой, если афоризм не употребляется вне авторского текста) [4].

Индивидуально-авторский афоризм может функционировать в тексте как в абсолютно автономной, так и в относительно автономной позиции.

Абсолютно автономные индивидуально-авторские афоризмы употребляются в тексте в виде семантически и грамматически обособленных реплик в речи персонажа или автора. Употребление индивидуально-авторских

афоризмов в тексте в относительно автономной позиции дифференцируется на несколько разновидностей:

1) грамматическая (структурная) автономность при контекстуально обусловленной семантике;

2) грамматическая (структурная) обусловленность с сохранением грамматической (структурной) целостности в контексте при наличии автономной или контекстуально обусловленной семантики;

3) грамматическая (структурная) обусловленность без сохранения грамматической (структурной) целостности в контексте при наличии только контекстуально обусловленной семантики.

В первых двух случаях афоризм сохраняет грамматическую (структурную) целостность, т. е. при выделении из текста форма его не изменяется, безотносительно того, является ли он автосемантическим или синсемантическим в авторском контексте.

В последнем случае афоризм не может быть выделен из текста без специальной операции по восстановлению его формы, имплицитно присущей ему до введения в данный текст. Такая операция должна соответствовать той модификации формы афоризма, с помощью которой данный афоризм был эксплицирован в речи в процессе ее порождения. Предполагается, что любой индивидуально-речевой афоризм, употребленный в тексте в контекстуально обусловленной грамматической форме, не может не быть представлен в процессе речевой деятельности при порождении речи на этапе лексического выбора и грамматического конструирования высказывания как целостная, т. е. абсолютно автономная в грамматическом (структурном) плане единица [1, 6].

Индивидуально-авторские афоризмы не всегда функционируют как синтаксически цельные конструкции, скорее наоборот, чаще употребляются в аналитической форме. Этому во многом способствует то, что афоризм отличается как композиционной двучастностью, так и семантическим параллелизмом своей структуры, что в известной степени способствует его трансформациям в тексте. Чтобы выделить трансформированные в тексте афоризмы, необходимо не только понять их содержание, но и реконструировать их исходные формы.

В настоящей статье мы попытаемся на материале романа Андрея Платонова «Чевенгур» (1927–1930) описать инверсию синтаксической структуры афоризма в художественном тексте как одну из форм афоризма в

речи, совокупность которых можно представить как систему форм, включающую все возможные структурные трансформации афоризма в контексте на уровне диктума высказывания (в смысле Ш. Балли). Основой семиологической релевантности такого описания является гипотеза, что индивидуально-авторские (окказиональные по отношению к языковым) афоризмы изоморфны по структуре и способам функционирования узуальным (языковым) афоризмам и также “обладают парадигмами”, с той разницей, что если само функционирование афоризмов как единиц языка (пословиц, крылатых изречений и т. п.) обусловлено прежде всего наличием некоей общей для каждого из них реально действующей системы парадигматических форм, то для окказиональных та или иная трансформация афоризма (абстрагируясь от ее контекстуального происхождения) оказывается единственно возможной формой его существования (реализации) в речи вообще [3].

При употреблении индивидуально-авторского афоризма в тексте часто меняются местами его структурные компоненты (слова, сочетания слов, предикативные части). Такое явление можно определить как инверсию афоризма. Напр.: *Переходим к текущим делам. Через восемь дней в губернии состоится партконференция, и туда зовут от нас делегата, который должен быть председателем местной власти... Поезжай, Чепурный, чего ж тут обсуждать*, – сказал Жеев. – **Обсуждать нечего, раз предписано**, – указал Прокофий (А. Платонов, “Чевенгур”) ← ср. *Раз предписано – обсуждать нечего* (исходная форма афоризма). Перестановка структурно значимых компонентов афоризма по сравнению с его исходной формой легко объяснима постановкой “ремы” перед “темой” в целях эмпазы: в данном случае выделяется (ставится в начало фразы) более важная в смысловом контексте данного диалога часть афоризма, тем более, что своей репликой Прокофий “подкрепляет” мнение Жеева о нецелесообразности какого бы то ни было обсуждения. Подобное можно наблюдать и в следующем случае: *Из дверей зала горсовета, где должно быть партсоборание, дул воздух, как из вентилятора. Слесарь Гопнер держал ладонь навстречу воздуху и говорил товарищу Фуфаеву, что здесь две атмосферы давления. – Если б всю партию собрать в эту залу, – рассуждал Гопнер, – смело можно электрическую станцию пустить – на одном партийном дыхании: будь я проклят!* (А. Платонов, “Чевенгур”) ← ср. *На одном партийном дыхании смело можно электрическую станцию пустить* (исходная форма афоризма). Мысль говорящего движется и оформляется от нового к исходному: Гопнер препозиционально выделяет “рему” афоризма, “тема” для него не требует словесного оформления ввиду своей очевидности, однако он, обращаясь к Фуфаеву, вынужден сообщить и исходную основу своего заключения. Еще в одном случае афоризм на основе перифраза осложнен перестановкой структурно-смысловых компонентов: *В следующие годы Захар Павлович все более приходил в упадок. Чтобы не умереть одному, он завел себе **невеселую подругу – жену Дарью Степановну*** (А. Платонов, “Чевенгур”) ← ср. *Жена – невеселая подруга*. В целях эмпазы внимание адресата (читателя) акцентируется на том, что *жена* – это именно *невеселая подруга* (здесь реализуется свойственный А. Платонову алогизм в понятийно-смысловом построении фразы: чтобы не умереть одному, следует завести себе именно *невеселую подругу*).

Не менее часто для реконструкции исходной формы индивидуально-авторского афоризма при выделении его из текста необходимо применить такой трансформационный прием, как инверсия, напр.: *Фёкла Степановна зазевала, закрывая рот большой работающей рукой: – А я... век свой прожила. Мужика у меня убили на царской войне, **жить нечем, и сну будешь рада*** (А. Платонов, “Чевенгур”) ← ср. *Когда жить нечем, и сну будешь рада* или *И сну будешь рада, когда жить нечем* (исходные формы афоризма). Афоризм в контексте синтагматически не трансформируется, однако при выделении из текста как автономного высказывания требует изменения порядка следования своих структурных компонентов с целью достижения большей выразительности.

Выше были рассмотрены случаи инверсии коммуникативно значимых структурных компонентов индивидуально-авторского афоризма. Совсем иное происходит, когда меняется порядок следования непредикативных компонентов (отдельных слов и/или их сочетаний), напр.: *Вдруг среди пола сразу поднялся и сел опухший парень в ключьях ранней бороды: – Мама, мамака! дай отрез, старая карга! Дай мне отрез, я тебе говорю... Надень чулун на него! – Кошка сделала стинку дугой и ожидала от парня опасности. Соседний старик, хотя и спал, но ум у него **работал от старости сквозь сон***. – Ляжь, ляжь, шальной, – сказал старик. – Чего ты на народе пугаешься? Спи с богом (А. Платонов, “Чевенгур”) ← ср. *От старости ум и сквозь сон работает* (исходная форма афоризма). Здесь выделение афоризма из текста невозможно без изменения синтаксических связей между компонентами высказывания.

Иногда индивидуально-авторский афоризм в инверсированной форме не воспринимается в рамках ближайшего контекста. Для реконструкции исходной формы афоризма необходим максимально широкий контекст, напр.: *Однако каждую субботу люди в Чевенгуре трудились, чему и удивился Копёнкин, немного разгадавший солнечную систему жизни в Чевенгуре. – Так это не труд – это субботники! – объяснил Чепурный. <...> А в субботниках никакого имущества нету – разве я допущу? – **просто себе идет добровольная порча мелкобуржуазного наследства*** (А. Платонов, “Чевенгур”) ← ср. *Субботники – это не труд, а добровольная порча мелкобуржуазного имущества* (исходная форма афоризма). Здесь без дополнительного пояснения Чепурного о сущности добровольного труда невозможно реконструировать инверсированный в контексте афоризм (ср.: *Субботники – это не труд*).

Нагляднее всего инверсию как способ выделения индивидуально-авторского афоризма из текста можно продемонстрировать на примере афоризмов т. н. “сверхмалого объема” (или “сверхфрагментных”): *Копёнкин революцией был навеки убежден, что любой враг податлив. – Да то дело! Мы – враг: скажем, что иначе суходольная земля хохлом отойдет... А то просто вооруженной рукой проведем трудолюбивность на перевозку построек: **раз сказано, земля – социализм, то пускай то и будет*** (А. Платонов, “Чевенгур”) ← ср. *Социализм – это земля* (исходная форма афоризма). В этом случае инверсия компонентов афоризма происходит в целях эмпазы. Показателем также следующий пример: *Такую сволочь я терпеть до первого сражения, – заявил Копёнкин про Мрачинского. – Понимаете, Сашу Дванова я застал голым, раненым на одном хуторе, где этот сыч с отрядом кур воровал! Оказывается, они ищут безвластия! Чего? – спрашиваю я. – Анархии, говорят. Ах, чума вас возьми: все будут без власти, а они с винтовками! **Сплюнь – чушь!** У меня было пять человек, а*

у них тридцать: и то я их взял (А. Платонов, “Чевенгур”) ← ср. Чушь – сплошь (исходная форма афоризма). В данном случае инверсия не способствует, а препятствует реконструкции исходной формы афоризма, поскольку его функционирование возможно только с инверсированным расположением компонентов (в реконструированной форме афоризма Чушь – сплошь теряется ритмико-интонационное звучание фразы, которое является необходимым стилистическим элементом языкового выражения обобщенной мысли). В этой связи продуктивным при анализе инверсии сверхкоротких афоризмов оказывается их сопоставление, напр.: Ему ничто ничто: **сволочь-человек!** – оценил Копёнкин собеседника (А. Платонов, “Чевенгур”). Или: Ты вот поработал и поумнел! Но **человек – чушь!**... Он дома валяется и ничего не стоит... (А. Платонов, “Чевенгур”) и т. п. Во втором случае афоризм не имеет инверсированного варианта, в первом – реконструируется перестановкой частей (ср.: Человек – это сволочь).

В первом случае афоризм грамматически редуцируется в сложное слово, во втором – синтаксически эквивалентен предложению. На этом основании можно утверждать, что инверсия индивидуально-авторского афоризма может детерминировать его синтаксическое оформление в речи.

Таким образом, можно утверждать, что инверсия и является одной из парадигматических форм структуры индивидуально-авторского афоризма в речи, и используется в качестве приема реконструкции его исходной формы вне авторского текста, как автономного высказывания.

В проблематику дальнейшего исследования инверсии индивидуально-авторского афоризма должны входить, на наш взгляд, во-первых, изучение порядка следования непредикативных структурных компонентов афоризма в речи, а во-вторых, исследование инверсии афоризма, обусловленной актуальным членением предложения.

Литература

1. Иванов, Е.Е. Автономность афоризма в тексте (на материале произведений У. Шекспира) / Е.Е. Иванов, Е.Г. Тесленко // Веснік Полацкага дзярж. ун-та. Серыя А, Гуманітар. навукі. – 2013. – № 10. – С. 86–90.
2. Иванов, Е.Е. Афоризм в тексте и вне текста : семантика и структура / Е.Е. Иванов // Текст. Язык. Человек : сб. науч. трудов : в 2 ч. / отв. ред. : С.Б. Кураш, В.Ф. Русецкий. – Мозырь : МГПУ имени И.П. Шамякина, 2007. – Ч. 1. – С. 29–32.
3. Иванов, Е.Е. О понятии структурной парадигмы афоризма / Е.Е. Иванов // Текст. Язык. Человек : сб. науч. трудов : в 2 ч. / Мозырьский гос. пед. ун-т имени И.П. Шамякина, Российский центр науки и культуры в Минске [и др.] ; редкол. : С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : МГПУ имени И.П. Шамякина, 2013. – Ч. 1. – С. 130–132.
4. Иванов, Е.Е. О понятиях “афористический текст”, “афористичность (афоризация) речи” и “афористический стиль” / Е.Е. Иванов // Весні Беларускага дзярж. пед. ун-та. Серыя 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2006. – № 3 (49). – С. 76–79.
5. Федоренко, Н.Т. Афористика / Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 419 с.
6. Ivanov, E. The Forms of the Aphorisms in the Non-Aphoristic Texts (Autonomous Aphoristic Utterances) / E. Ivanov, E. Teslenko // Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков : мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Белгород, 22–23 ноября 2013 г. / Белгородский гос. нац. исслед. ун-т ; под ред. А.М. Амагова. – Белгород : ИД «Белгород», НИУ «БелГУ», 2013. – С. 92–99.